

Глава 19

Смертельная опасность

Цюй Юньме вошел в комнату, и первое, на что упал его взгляд, был висевший на внешней стене длинный меч.

Он с детства не расставался с оружием, и одного беглого взгляда хватило, чтобы понять: этот клинок наверняка вышел из-под руки великого мастера. Цюй Юньме по привычке потянулся к нему, желая снять и рассмотреть поближе, но, сделав лишь шаг, вспомнил о цели своего визита. Он резко повернул и вошел во внутренние покои.

Там было пусто.

Мальчишки нигде не было видно, а на единственной лежанке — ни следа Сяо Жуна. Постель была в беспорядке, а край одеяла сиротливо волочился по полу.

Великий ван застыл на месте.

«Сбежал», — была первая реакция его разума. Сяо Жун, как и все прочие, просто не вынес его нрава и тайно покинул резиденцию.

Потребовалось три долгих мгновения, прежде чем он опомнился. Сяо Жун не обладал такой выносливостью: тот и в добром-то здравии задыхался через каждые три шага и останавливался перевести дух через каждые пять, а сейчас, охваченный сильным жаром, он просто не смог бы уйти сам.

Осознав это, Цюй Юньме мгновенно пришел в движение. Он принялся быстро обыскивать комнату и вскоре обнаружил в углу бесчувственного А Шу. Великий ван встряхнул мальчишку, словно провинившегося цыпленка, и тот наконец начал приходить в себя.

— Где твой господин?! — прорычал он.

А Шу непонимающе моргал, но через секунду его глаза расширились от ужаса:

— Господин... Командир Чжуан... он ударил меня! Господин, господин в опасности!

Лицо Цюй Юньме потемнело. Он отбросил слугу в сторону и шагнул к кровати. Коснувшись простыней, он почувствовал, что они уже успели полностью остыть.

— Чжуан... Вэй... чжи! — прошипел он сквозь плотно стиснутые зубы. — Ты... ищешь... смерти!

С другой стороны, Сяо Жун тоже пришел в себя от нещадной тряски.

Открыв глаза, он обнаружил, что висит вниз головой, перед лицом мелькает бурая конская грива, а сам он примотан к телу лошади, точно тюк с товаром. Пока он был в беспамятстве, боли не чувствовал, но теперь его мучило так, будто даже вчерашний ужин вот-вот вывернется наружу.

— Стой! Остановитесь!

Он громко вскричал, из последних сил пытаясь задрать голову, чтобы понять, что происходит. Однако его никто не слушал. Кони продолжали нестись вперед во весь опор. Сяо Жун не видел того, кто вез его, но заметил всадника, скачущего бок о бок. Услышав его голос, тот повернул голову и взглянул на него.

Лицо, пересеченное шрамом. На руке, сжимающей поводья, у основания большого пальца виднелась очень приметная крупная черная родинка.

Ли Сюхэн.

Зрачки Сяо Жуна сузились. Он совершенно не понимал, как оказался в руках этого человека. Ли Сюхэн, убедившись, что пленник очнулся, но по-прежнему ничего не может сделать, вновь сосредоточился на дороге.

Они мчались сквозь лесную чащу. В таких местах обычно коням не разгуляться, но эти скакали легко и уверенно. Сяо Жун, чей обзор был крайне ограничен, пытался по звуку определить, сколько всего похитителей. К счастью, людей было немного — от силы пятеро или шестеро, может, семеро.

Он попытался извернуться и немного сместить тело, но от этого движения коню стало неудобно. Животное всхрапнуло и собралось взбрыкнуть. Всадник, везший его, никак не отреагировал, зато Ли Сюхэн тут же взмахнул плетью в его сторону:

— А ну тихо!

Удар пришелся по воздуху — всадники скакали на некотором расстоянии, да и бить Сяо Жуна по-настоящему тот не рискнул бы, боясь испугать коня и потерять драгоценное время. Но Сяо Жун всё равно изобразил на лице крайнюю степень ужаса и поспешно опустил голову.

Увидев, что пленник испугался, Ли Сюхэн успокоился. Сяо Жун же, уткнувшись лицом вниз, мысленно осыпал похитителей проклятиями.

«Что за напасть! Не пробыл в Армии Чжэньбэй и месяца, с Ли Сюэхэном вражды не имел... Зачем он меня похитил? А, нет, вражда всё же была: именно мое донесение сорвало их тайный сговор»

Неужто тот решил выкрасть его, чтобы затащить в свое логово и там сорвать на нем злость? Нет, непохоже. То, с каким остервенением они мчались вперед, говорило об одном — за ними гонятся черти. Никто не станет рисковать головой ради мелкой мести. Обычный человек, быть может, и стал бы, но Ли Сюэхэн — никогда. Этот человек десять лет уходил от погони Цюй Юньме, проявляя невероятную волю к жизни.

Если это не ради мести... значит, он зачем-то нужен им живым, несмотря на то, что является обузой.

Сяо Жун помолчал мгновение и снова поднял голову, на этот раз крича изо всех сил:

— Пустите меня! Я сейчас подохну от этой тряски! Если не хотите везти мой труп — снимите меня с коня!

Осознав, что Ли Сюэхэну он нужен живым и тот вряд ли убьет его прямо в пути, Сяо Жун принялся отчаянно брыкаться. На этот раз угрозы не помогли. Вспылив, Ли Сюэхэн велел всем остановиться. Чжуан Вэйчжи нахмурился, но всё же спешился.

Вид Чжуан Вэйчжи, возникшего перед его глазами в перевернутом мире, вызвал у Сяо Жуна одновременно и шок, и горькое понимание.

По правде говоря, он не знал в точности, кто был предателем в Армии Чжэньбэй. Она лишь казалась единым целым, а на деле была разрознена, и далеко не каждое имя заслуживало упоминания в хрониках. Сяо Жун лишь логически вычислил, что предатель занимает видное, но не самое высокое положение. Сговор с сянби — дело слишком гнусное; будь этот человек ровней Цзянь Цяо, история запомнила бы его имя на века.

А Чжуан Вэйчжи, командир гвардии, идеально подходил под это описание «среднего звена».

Обычно такую должность занимает правая рука вождя, человек, пользующийся безграничным доверием, ведающий безопасностью и бытом господина. Но беда в том, что вождем был Цюй Юньме. Тот не терпел лишней суеты вокруг себя и вечно путающихся под ногами слуг. Что же до защиты... скажем прямо: в случае нападения это Цюй Юньме защищал бы гвардейцев, а не наоборот.

Поэтому, хоть Чжуан Вэйчжи и числился командиром, власти у него не было никакой. Он был не опорой государя, а скорее начальником дворцовой стражи. Цюй Юньме щедро награждал

талантливых воинов чинами и золотом, но раз он запер Чжуан Вэйчжи во дворце, заставив заниматься мелочной рутинной, значит, считал его неспособным на большее.

Прямолинейный Великий ван не умел — и не желал — скрывать своего пренебрежения. И Чжуан Вэйчжи прекрасно это чувствовал. Обида на то, что его таланты не оценили, и желание найти себе лучшую долю — вполне понятные мотивы для предательства.

Чжуан Вэйчжи молча отвязал Сяо Жуна от седла, не смея поднять на него взгляд. Ли Сюэхэн же, напротив, взирал на них хищно и настороженно.

— Посади его позади себя, — велел он командиру гвардии. А затем зловеще добавил, глядя на Сяо Жуна: — А если снова вздумаешь орать...

— И куда же вы меня везете? — спросил Сяо Жун, растирая затекшие запястья.

Ли Сюэхэн на мгновение осекся. Окинув взглядом спокойное лицо юноши, он с удивлением спросил:

— Ты что, совсем не боишься?

— Я — агнец в пасти тигра, — отозвался юноша. — Моя жизнь и смерть в ваших руках. Какая польза от страха мне, немоющему книжнику? Слышал я, что ты якшаешься с Учением Чистого Ветра. Уж не к ним ли ты меня тащишь?

Ли Сюэхэн лишь презрительно усмехнулся, не собираясь отвечать. Сяо Жун, заметив его реакцию, кивнул:

— Значит, нет.

— Хватит болтать! В путь! — рявкнул Ли Сюэхэн. — И не думай, что я побоюсь тебя пришибить. Хочешь жить — сиди тихо!

С этими словами он первым сорвался с места. Остальные последовали за ним, и лишь Чжуан Вэйчжи замешкался в хвосте. Он хотел было закинуть Сяо Жуна в седло, но тот отступил на шаг, сам взобрался на лошадь, после чего тихо спросил:

— Мой слуга жив?

Командир вздрогнул. Подняв взгляд, он наткнулся на холодное, бесстрастное лицо юноши.

— Да, — буркнул он и тоже вскочил на коня.

Снова началась бесконечная скачка. Ли Сюхэн впереди лишь делал вид, что знает дорогу; вскоре он замедлил ход, дожидаясь Чжуан Вэйчжи. За десять лет здешние края сильно изменились, и похититель не знал, где теперь безопасно. Зато это знал Чжуан Вэйчжи: он мастерски обходил заставы, выбирая глухие тропы и сводя риск быть замеченными к минимуму.

Сяо Жун, сидя за его спиной, смотрел на клубящуюся сзади пыль, а затем перевел взгляд на напряженные плечи командира гвардии.

Вся эта шайка была взвинчена до предела. Немного подумав, Сяо Жун решил замолчать. Перед лицом прямой угрозы острословие было бесполезно — лучше приберечь силы и подумать о спасении. Придут ли на выручку люди Армии Чжэньбэй? Сяо Жун полагал, что да. Даже если Цюй Юньме не намерен беспокоиться о его жизни, Гао Сюньчжи и Цзянь Цяо этого так не оставят. Значит, нужно выиграть время и дожидаться удобного случая.

На рассвете они остановились в лесу, чтобы напоить коней и перекусить сухим пайком. Всю ночь они мчались во весь опор; за исключением коня Чжуан Вэйчжи, который выглядел получше, лошади остальных всадников тяжело дышали. Видать, дела у Ли Сюхэна на чужбине шли из рук вон плохо, раз он не мог позволить себе купить даже одного приличного скакуна.

Похитителей было шестеро, включая Ли Сюхэна, а с Чжуан Вэйчжи — семеро. Те шестеро устроились в стороне, жадно поглощая еду. Чжуан Вэйчжи же отвел Сяо Жуну к дереву в стороне, усадил под него и бросил ему лепешку и мех с водой.

Юноша принял еду без лишних слов. Он не обольщался этим жестом и не считал, что у Чжуан Вэйчжи осталась совесть. Он прекрасно знал, что Великий ван и Ли Сюхэн — заклятые враги, но тот всё равно вступил в сговор. Знал, что Ли Сюхэн связался с сяньби, но всё равно собирался помочь передать сведения, чтобы те беспрепятственно вошли в Чжуньюань.

Этот человек был эгоистом до мозга костей. Его нынешнее спокойствие и забота объяснялись лишь тем, что Сяо Жун еще был ему полезен, да и сам он по натуре был человеком тихим, потому и казался чуть лучше Ли Сюхэна.

После ночи на пронизывающем холодном ветру обычный больной уже отправился бы на тот свет, но Сяо Жун на удивление чувствовал себя даже лучше, чем вчера. Сделав глоток воды, он немного смочил горло, а затем, возвращая мех Чжуан Вэйчжи, посмотрел в сторону Ли Сюхэна.

— Ли Сюхэн хитер и коварен, — негромко произнес Сяо Жун. — Ради спасения собственной шкуры он пойдет на что угодно. Уж не знаю, Учение Чистого Ветра его бросило или он сам их предал, но уверен — идея похитить меня принадлежит ему.

Чжуан Вэйчжи замер с куском во рту. Юноша продолжил:

— Те блага, что он тебе обещал... неужто ты веришь, что действительно получишь их? Зачем ему делиться наградой, которую можно забрать целиком?

Командир гвардии резко обернулся к нему и бросил:

— Заткнись.

Сяо Жун лишь пожал плечами и действительно замолчал, проведя по губам пальцами, словно застегивая молнию. Чжуан Вэйчжи не понял жеста, но Ли Сюхэн, наблюдавший за ними издали, напрягся. Ему показалось, что Сяо Жун подает какой-то знак.

Юноша поймал взгляд Ли Сюхэна и тут же отвел глаза, намеренно придвинувшись ближе к Чжуан Вэйчжи. Лицо похитителя стало еще мрачнее.

Между ним и командиром гвардии не было никакой дружбы. Когда-то отец Чжуан Вэйчжи был его подчиненным, но он погиб еще до трагедии десятилетней давности, и Ли Сюхэн никогда не пекся о сыне соратника. Он вспомнил о нем лишь тогда, когда ему понадобился соглядатай.

Их союз держался на взаимной выгоде, и теперь, когда план провалился, он висел на волоске. Чжуан Вэйчжи не доверял Ли Сюхэну, а тот — ему. До этого их гнала общая опасность, но теперь, когда они покинули округ Яньмэнь, Ли Сюхэну казалось, что опасность рядом куда страшнее призрачной погони.

Атмосфера накалилась. Ли Сюхэн велел всем немедленно подниматься. Сяо Жун привалился к стволу дерева, делая вид, что не слышит. Чжуан Вэйчжи, стоя к нему спиной, хотел было помочь ему встать, но Ли Сюхэн уже подходил к ним. Когда тот был еще достаточно далеко, но продолжал приближаться, Сяо Жун внезапно изобразил на лице неопиcуемый ужас и выкрикнул:

— Берегись!

Чжуан Вэйчжи, и без того бывший на взводе, не раздумывая, выхватил меч и наотмашь рубанул назад. Ли Сюхэн инстинктивно отпрыгнул и тоже обнажил оружие.

Раз клинки уже в руках — слова излишни. К тому же Сяо Жун был прав: Чжуан Вэйчжи лишь претендовал на свою долю заслуг. Теперь, когда пленник уже в их руках, командир гвардии стал бесполезен.

Завязалась схватка. Сяо Жун поспешно скрылся за широким стволом дерева. Шестеро против одного — при не самом выдающемся мастерстве Чжуан Вэйчжи исход был предрешен. Сяо Жун даже не смотрел в ту сторону.

«Нельзя быть настолько подлым. Если бы Чжуан Вэйчжи просто бежал, он мог бы увести с собой преданных людей. Но он связался с Ли Сюэхэном и теперь поплатился за это».

Лязг металла стих. Юноша по-прежнему держался за дерево, мелко дрожа всем телом. Ли Сюэхэн с окровавленным мечом подошел к нему. Не успел тот ничего сказать, как Сяо Жун в панике закричал:

— Не убивай меня! Я сделаю всё, что прикажешь, только... только не убивай!

Ли Сюэхэн презрительно хмыкнул, убрал меч и велел одному из своих людей поднять пленника. Лишь когда с убийством было покончено, он сообразил, что лишился проводника. Но, в конце концов, они уже за чертой округа Яньмэнь — нужно просто скакать на юг, это не так уж сложно.

Сяо Жуна пересадили на другую лошадь. Тряска снова выбивала из него дух, а бедра уже стерлись в кровь. Седла в те времена были еще в новинку, и эти люди, привыкшие скакать на неоседланных конях, превратили путь юноши в сплошное мучение. Но даже в таком состоянии он не оставлял попыток выведать правду:

— Куда вы меня везете? В Южную Юн?

Ему никто не ответил.

— Но я помню, что в Южной Юн ты уже у всех пороги обил. Чжэньбэй-ван говорил, что ты прибил к Учению Чистого Ветра только потому, что тебе больше некуда было податься.

На лбу Ли Сюэхэна вздулась вена, но он стерпел, не желая тратить время на болтовню. Сяо Жун перебрал в уме всех влиятельных людей на юге, и вдруг его осенило:

— Понял! Ты хочешь наняться к инспектору Цзяньнина, Хуан Яньцзюню!

В будущем Хуан Яньцзюнь станет настолько могущественным, что истребит весь род Цюй Юньме, но сейчас он был лишь мелким инспектором в глухом краю. Они с Великим ваном враждовали еще с тех пор, как оба были никем. Десять лет назад, когда Цюй Юньме бежал со своими людьми, он тоже подался на юг. Ему нечем было кормить воинов, и ради выживания он нашел приют у инспектора Луцзяна, Хуан Яньциня.

Хуан Яньцин был старшим братом Хуан Яньцзюня. В отличие от своего коварного родственника, он слыл человеком благородным и преданным престолу. Он приютил Цюй Юньме и верил в него, чем немало задевал самолюбие младшего брата. Хуан Яньцзюнь люто ненавидел Великого вана и всячески притеснял его воинов. Цюй Юньме не желал служить погрязшему в пороках двору и через год ушел. Перед уходом он отказался подчиняться приказам, забрал припасы и наголову разбил армию Южной Юн, выставив их на посмешище.

Гнев императора пал на Хуан Яньциня. Его лишили власти, и через три года он умер в забвении. Но клан Хуан был силен, и место старшего брата занял младший. Вот только разница между процветающим Луцзяном и захолустным Цзяньнином была огромной. Хуан Яньцзюнь затаил обиду и теперь копил силы в тени.

Даже когда Сяо Жун разгадал их цель, Ли Сюэхэн не повел и бровью. Для него юноша был лишь ценным грузом. Сяо Жун же наконец осознал истинную причину своего недуга. Ли Сюэхэн и предательство Чжуан Вэйчжи были лишь верхушкой айсберга. Настоящей угрозой было то, что Чжуан Вэйчжи, оказавшись у Хуан Яньцзюня, выдал бы все тайны Армии Чжэньбэй.

Сейчас все считали Хуан Яньцзюня мелким чиновником, и только Сяо Жун знал, что у того уже достаточно сил для мятежа. Ему нужен был лишь достойный повод — в те времена даже для бунта требовалось оправдание.

Солнце уже поднялось высоко. Прошло около шести страж с момента похищения. Сяо Жун размышлял, как заставить их остановиться, когда вдруг его слух уловил странный звук. Гул, похожий на сход лавины. Но откуда снег на дороге?

Внезапно всадник, везший его, вскрикнул:

— Генерал, погоня догоняет нас!

Ли Сюэхэн опешил. Как они могли их настичь?!

— Сколько их?!

Там, где Сяо Жун слышал лишь мерный гул, воин различал куда больше. Его лицо побледнело:

— Пятьсот... нет, тысяча... Кажется, их три тысячи! И всё — тяжелая кавалерия!

Ли Сюэхэн застыл. Три тысячи тяжелых всадников ради него одного?! Даже когда брат Цюй Юньме был жив, тот не поднимал столько людей ради одного беглеца.

Думать было поздно. Гул нарастал. Ли Сюэхэн знал — им конец. Великий ван всегда летел впереди, не зная страха. Похитители заметались в панике, а Сяо Жун, извернувшись, сквозь облако пыли пытался разглядеть всадников.

И вдруг он замер. Армии еще не было видно, но он увидел его.

Цюй Юньме мчался в одиночку. На бескрайней равнине он один летел навстречу им. На нем был черный доспех, а за спиной сияло серебряное копьё. Алый султан на его шлеме бешено трепетал на ветру — единственное яркое пятно среди выжженной травы.

Сяо Жун с трудом вывернул шею. Хотя мышцы уже начало сводить от боли, он почему-то не мог заставить себя отвернуться. Великий ван, прищурившись, тоже вглядывался вперед. Он увидел его. Живого.

Цюй Юньме пригнулся к шее коня и, издав яростный крик, вонзил шпоры в бока скакуна. Конь рванулся вперед с утроенной силой. Люди Ли Сюэхэна были вне себя от ужаса. Они нещадно гнали своих лошадей, крича, что Цюй Юньме уже близко.

Когда морда коня Великого вана поравнялась с ними, похитители приготовились к смерти. Но тот лишь взмахнул своим копьём Сюэинь Чоумао и точным ударом древка разом выбил Сяо Жуну из чужого седла.

Юноша не успел даже вскрикнуть, как обнаружил себя на коне Великого вана.

«Ну и силища! — мелькнуло в голове Сяо Жуну. — Настоящий бык!»

Оказавшись в безопасности, Сяо Жун больше не боялся. Государь же, не теряя ни секунды, расправился с всадниками. Движения его были столь стремительны, что Сяо Жун не успевал следить за ними: в мгновение ока пятеро похитителей уже лежали на земле.

Когда Великий ван занес копьё над последним — ненавистным Ли Сюэхэном, — Сяо Жун закричал:

— Государь, стойте! Оставьте ему жизнь! Привезем его в округ Яньмэнь, там и свершим казнь!

Цюй Юньме на мгновение замер, а затем резким движением направил острие вниз. Конь под Ли Сюэхэном взбрыкнул от раны, и всадник кубарем полетел на землю. Прокатившись, он замер, скорчившись от боли. Видать, сломал ногу.

Приподняв голову, Ли Сюэхэн увидел Великого вана. Тот сидел на коне, сжимая Сюэинь Чоумао, и медленно кружил вокруг него, глядя сверху вниз, словно на мертвеца.

Сяо Жун, почувствовав себя в безопасности, невольно привалился спиной к груди государя. Тот не оттолкнул его, лишь крепче перехватил поводья, оберегая юношу от падения.

Юноша взглянул на поверженного врага и едва заметно улыбнулся. И хотя жизнь Ли Сюэхэна была в руках Цюй Юньме, в тот миг именно взгляд Сяо Жуну наполнил его сердце смертным холодом.

Наконец подросли основные силы. Надо признать, слух у того воина был отменный: три тысячи тяжелых всадников под началом генералов Цзянь Цяо и Юань Байфу заполнили равнину. Оба генерала знали Ли Сюэна. Увидев его в путях, Цзянь Цяо расхохотался, а Юань Байфу лишь смерил его сложным взглядом. Со вздохом он велел воинам связать пленника.

Генерал Цзянь, увидев Сяо Жуна невредимым, с облегчением выдохнул:

— Слава богам, успели! Господин Сяо, вы и представить не можете, какой переполох поднялся во всем ванфу.

«Во всем ванфу? Да там и людей-то почти нет», — подумал юноша. Не желая отвечать на лесть, он повернулся к государю:

— Великий ван, как мой А Шу?

Тот покосился на него:

— Жив. Только ревет так, что голова пухнет.

Сяо Жун промолчал. Немного помолчав, он добавил:

— А канцлер Гао? Не сильно ли он напуган?

На этот раз Великий ван смотрел на него дольше обычного:

— С ним всё в порядке. Господин Гао не потерял головы, хотя и сильно за тебя переживал.

Юноша хотел было опустить голову, но заметил, что Цюй Юньме всё еще смотрит на него. Тогда он спохватился:

— Ах да... Благодарю вас за спасение.

Великий ван лишь неопределенно хмыкнул:

— Ты мой советник. Спасать тебя — мой долг.

— И то правда, — усмехнулся Сяо Жун.

Цзянь Цяо молча наблюдал за ними. Он заметил: когда государь и господин Сяо были рядом, всё остальное для них словно переставало существовать. Лишь когда они замолчали, генерал вставил слово:

— Господин Сяо, у вас всё еще сильный жар. Не велите ли соорудить повозку? Нас много, это не составит труда.

Великий ван нахмурился, но прежде чем он успел возразить, Сяо Жун внезапно зашелся в слабом кашле. Вид его мгновенно стал немощным.

— Не стоит утруждаться... У меня совсем нет сил. Государь, могу ли я просить вас о разговоре?

Цзянь Цяо опешил. Еще мгновение назад юноша не выглядел таким слабым. Окинув Сяо Жунуна подозрительным взглядом, он всё же удалился.

Цюй Юньме же смотрел на Сяо Жунуна с тревогой. Ветер при лихорадке — злейший враг. Он слишком поздно обнаружил пропажу и слишком долго скакал... Сяо Жун пробыл на холоде шесть страж, неужто...

Сяо Жун уже достаточно изучил государя. Если бы он не научился играть на чувствах этого воина, он бы не стоил и ломаного гроша как советник. Цюй Юньме направил коня подальше от шумящей армии. Пока скакун мерно вышагивал, юноша заговорил тихим голосом:

— Государь, прошу простить меня за прошлые ошибки.

Великий ван молчал.

— Я лишь хотел возвысить ваше имя, привлечь народ и снискать добрую славу... но позабыл, что прежде всего вы — великий полководец, и лишь затем — владыка этих земель. У каждого воина свой путь, а я пытался принудить вас к иному...

Сяо Жун горько усмехнулся:

— Сколько мне еще осталось? В конце концов, я лишь хотел успеть увидеть, как под вашей рукой воцарится мир. Но в споре о Сыне Будды я зашел слишком далеко и посеял раздор.

— Какой еще раздор, — буркнул Цюй Юньме. — В Армии Чжэньбэй таких слов не знают.

— Но Сын Будды... — начал было юноша.

«Сын Будды, Сын Будды... Опять он за свое!» — Великого вана это порядком раздражало.

Посмотрев в чистые глаза юноши, он после молчания произнес:

— Раз ты считаешь, что он так важен — зови его. Только пусть не попадается мне на глаза.

Сяо Жун опешил. На этот раз его изумление было искренним. Он тут же выпрямился, и в его глазах вспыхнула радость:

— Благодарю вас, государь! Народ будет славить вашу милость! Раз Сын Будды прибудет, а в округе Яньмэнь нет достойной обители, не лучше ли...

Цюй Юньме бросил на него тяжелый взгляд:

— Сяо Жун, не наглей.

Тот послушно кивнул:

— Как прикажете, государь.

Сяо Жун вовремя остановился. Он попросил спустить его с лошади и нашел Цзянь Цяо, чтобы тот всё же обеспечил ему повозку — ехать верхом больше не было сил. Почувствовав, как его руки опустели, Цюй Юньме нахмурился, но промолчал. В округ Яньмэнь они возвращались всем войском.

Когда они въехали в город, навстречу им выбежал заплаканный А Шу. Следом шел Гао Сюньчжи. Увидев Сяо Жуна живым, он не смог сдержать вздоха облегчения.

Он-то думал, что юноша уже мертв. Не только он — все думали так же. Ведь Сяо Жуна похитили, когда его пульс был крайне опасным, а тело горело от лихорадки. Более того, похитителем стал Чжуан Вэйчжи, чья жизнь была разрушена именно из-за донесения Сяо Жуна. Любому было ясно: шансов выжить у него почти нет. Лишь решимость Великого вана, немедля поднявшего войска, давала людям крупницу надежды.

Ли Сюэхэна, связанного точно свиную тушу, бросили в темницу. Тело Чжуан Вэйчжи привезли следом. Гао Сюньчжи лишь мельком взглянул на них и увел Сяо Жуна в дом.

На вопрос о самочувствии юноша ответил, что ему стало гораздо лучше, и тут же сообщил, что Цюй Юньме согласился пригласить Сына Будды. Канцлер Гао застыл в изумлении. Он долго молчал, а затем низко поклонился:

— А Жун, ты словно сошедший в мир бессмертный!

Сяо Жун лишь горько усмехнулся про себя.

— Это дело решено, — произнес юноша, — но есть и другое, не менее важное. Канцлер, Ли Сюхэн схвачен, и сейчас — лучший момент. Прошу вас, убедите государя перенести столицу. От этого зависит, сплотится ли армия.

Гао Сюньчжи замялся:

— Неужто это так важно?

<http://bllate.org/book/15355/1417542>